

**Инфантилизация общества или
о теории Фрейда, о первой любви и о том,
как жениться и зачем разводиться**

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Такого типа проблемы и вопросы часто обсуждались и теоретически среди коллег Отца. Один из этих коллег – вместе с которым Отец кончал университет, одним летом был с ним на Севере и который теперь работал с ним в том же самом институте, но в другой, одной из описанных выше научных групп – взял себе за привычку, вызывать Отца на дискуссии по поводу какой бы то ни было пришедшей ему в голову темы.

Может быть как раз потому, что ему все же немного не хватало той творческой и отнятой у него его шефом мозговой работы. Кроме того, после всех их совместных деяний он научился ценить мнение Отца и позволял себе выслушивать это мнение. В конце дискуссии это называлось у него:

– Ну вот, мы выяснили и еще одну «вещь в себе»!

Коллега был мил, вполне прост и нормален, что полностью предохранило его от возможной и среди студентов особенно обиходной шизофрении. Этой шизофрении были подвержены особенно многие студенты из тех, которые ломали себе голову над вопросами типа: «В чем состоит смысл жизни?» или и того хуже – «Быть или не быть?».

Сверх того, коллега был всегда готов оплатить общий со своими друзьями счет, но при этом у него всегда оказывалась каким-то образом большая и неразменная денежная купюра и даже ту он «выхватывал» из кармана так медленно, что Отцу удавалось выхватывать свою всегда быстрее и поэтому платить за них обоих чаще.

Он тоже был родом из одной из сибирских деревень, но его родители, в отличие от «преступных», ссыльных и принудительно поселенных в Сибири родителей Отца, принадлежали к старым жителям Сибири и к советской деревенской интеллигенции – его отец был член партии и директор скотского хозяйства. От своей матери он унаследовал женственную красоту в лице, которая привлекала к этому бедному парню всех случающихся вокруг него девушек и женщин, как привлекает всех мух куча свежего дерьма.

Этим не по его вине случившимся «обстоятельствам» был он обязан своим наивным самодовольством, с которым он в течение пяти лет университетского образования дал полностью напичкать свою голову физикой, но остался совершенно не затронут прочими воздействиями того в высшей степени неустойчивого, интеллектуально-духовного окружения в высшей школе.

Одним словом, он был из того сорта людей, которые охотно и легко завербовывались со стороны КГБ как осведомители и охотно, даже без всякого шантажа, давали себя завербовать, чтобы потом закладывать своих однокашников и коллег в этой конторе или, как это называлось в советском народе, на них «стучать», что определяло в том же народе и их кличку «стукачи».

Отцу он был интересен не как какая-то особая личность, но все же как тип, который наилучшим образом представляет широкий слой человечества. Это было гораздо важнее для Отца, поскольку с помощью таких типичных представителей он мог свести необозримое многообразие человечества к паре-другой человеческих характеров. Так было гораздо легче обходиться потом с человечеством и его пестрой кутерьмой, его понимать и опять же – что ни говори – а своевременно опознать рядом с собой возможного «стукача».

Эти характеры Отец применял также и в дискуссиях, чтобы с помощью таких типичных примеров делать свои аргументы для других живее и доступнее. Так, как он при дискуссии со своей дочерью о способности принимать решения пытался сделать это для нее наглядным с помощью парадигмы об умирающем от голода буридановом осле и о стоящем в отчаянии перед двумя одинаковыми дверями человеке.

Последняя парадигма возникла у него как раз на примере этого коллеги, который спустился как-то к Отцу в его исследовательский подвал и попросил совета:

– Я зашел в тупик и не могу найти выхода. Могу я с тобой об этом поговорить?

– Поговорить – денег не стоит. Давай говори!

– Речь идет о женщинах...

– Ну о чем же еще! На этом поприще лежат у многих их главные проблемы и тупики.

– Да нет, сами по себе они не имеют отношения к моей проблеме.

– Они и не должны! Читай Фрейда. Это у нас внутри! – попытался Отец на легкий манер открутиться от разговора.

– Эй! Думаешь ты говоришь. Читать Фрейда у нас запрещено!

– Ерунда какая! У нас всего лишь считается нормальным, быть ведомым в наших поступках коммунистическими идеями, а не каким-то сексуально-паталогически-буржуазным либидо. А если я анализирую побудительные мотивы своих поступков, что у нас не запрещено, то мне не надо и Фрейда читать, чтобы установить мою ненормальность! – разозлился Отец на то, что он в смысле лояльности почти оскользнулся, вместо того чтобы легко открутиться.

– Во всяком случае у меня речь идет не о либидо, а о чистой любви!

– Будь благословен, если ты в этом так уверен! Ты имеешь ввиду платоническую?

– Я имею ввиду любовь к двум женщинам, которые одинаково вожделенны для меня. Это нейтрализует мое либидо, но не устраняет проблему.

– Любви к двум женщинам не бывает! А наше либидо не дает себя никогда нейтрализовать или отключить. Его только трудно иногда выискать в наших поступках.

– Ну так давай попытаемся сейчас это сделать. Может мне это и поможет.

– То есть ты приглашаешь меня покопаться вместе с тобой в твоём нижнем белье?

– Я хочу только, чтобы ты меня выслушал.

– Хорошо, я само внимание!

– Может я тебе уже рассказывал о моей студенческой любви к одной очень красивой девушке? Она меня тоже любила, и мы очень быстро сблизились.

– Ты имеешь ввиду – переспали друг с другом?

– Не важно! Важно то, что мы – при всей нашей любви – со временем стали все больше отдаляться друг от друга. Я знал и видел, что она меня все еще любит, но она все время пыталась бежать от этого, и в конечном итоге я ее потерял.

– Видишь! Все же это важно – со спаньём. Ты мне раньше, правда, об этом ничего не рассказывал, но эта история стара. История первой любви! Любви семнадцатилетних! Она никогда еще не кончалась счастливо. Она просто приходит слишком рано, быстро загнивает в своей бесперспективности и оставляет после себя только незаслуженную боль, необоснованные комплексы и тяжело заживающие раны!

– Почему в бесперспективности и как может загнить любовь?

– Первая любовь бесперспективна, потому что она стоит в противоречии со своими следствиями и поэтому не может развиваться. Все живое, что больше не развивается, умирает. А все умершее гниет. Эта любовь взрывается, растерзывает наши семнадцатилетние души и остается потом, как дым от взрыва бомбы, висеть в воздухе. В этом возрасте юноши еще не достаточно зрелые, чтобы перенять ответственность за следствия, с которыми любовь согласуется. Она это знала и по праву сбежала от всего этого. Была, должно быть, умная девушка.

– Умная она была в любом случае, но что означает противоречит своим следствиям или согласуется с ними? Я чувствовал себя все же вполне созревшим!

– Созревшим для чего? Для секса? Любовь – это специфическая, действующая только для людей сила притяжения между двумя полами! Менее специфичным является следствие этого притяжения – образование семьи, поскольку семьи образуют также и многие виды животных. И совсем не специфичным для людей является спаривание с целью производства детей как тотальный и всеильный природный инстинкт продолжения рода.

– Продолжение рода и предполагает секс!

– Ни в коем случае! Оно предполагает всего лишь оплодотворение семян! У некоторых даже и без полового акта. Секс как таковой – это также чисто человеческий, удовлетворяющий его похоть и поэтому также противоречащий его следствиям экстракт из сложного комплекса продолжения рода. Защита произведенных детей и забота о них относятся даже в большей степени к этому природному инстинкту. Ни один молодой, но уже достигший половой зрелости зверь не дойдет до полового акта с какой-либо из самок его вида, пока не победит сильного старейшего и не докажет этим своей зрелости для производства детей, для их защиты, для обеспечения их выживания и развития. Ты ее не убедил, что ты дорос до последних задач, даже если ты ей и делал какие-то предложения, в чем я тоже очень сомневаюсь.

– Из школьной биологии у меня как-то осталось, что самцы животных тоже самоустраиваются от этих задач.

– Не все! Только самые примитивные виды, как и среди человеческих самцов, а иногда даже и самок тоже, поскольку эта вторая задача наиболее эффективно выполняема лишь за счет распределения ролей и взаимодействия в более или менее развитых, сложных социальных структурах – таких как семья, стая, племя, социальное общество.

– И ты думаешь, я еще не дозрел тогда до этих задач?

– Она так думала, наверняка! Я думаю, что не только ты был еще недозревшим до этих задач, а и никто другой еще в этом возрасте. Это опять же чисто человеческий парадокс, что пропасть между половой и социальной зрелостью человеческих детенышей становится все больше.

– В двенадцать-пятнадцать уже быть способным сношаться и рожать и только в установленные законом восемнадцать лет иметь право жениться и принимать участие в выборах?

– Именно! Причем эти и без того произвольно установленные восемнадцать лет уже давно не соответствуют реальности. Наука и техника, которые раньше только обслуживали наше общество, развиваются в двадцатом столетии так стремительно, что стали между делом уже формировать наши отношения и определять наше развитие как социального общества настолько, что само это общество не знает больше – как и куда. Раньше общество всегда еще справлялось с тем, чтобы приспособиться самому и приспособить свои, строящие это общество, человеческие отношения к развитию науки и техники. Сегодня – из-за естественной инертности человеческих отношений – оно совершенно не получает времени для адаптации; не может больше справляться с новыми требованиями, опираясь, как раньше, только на свои старые обычаи, традиции и социальные структуры; вынуждено импровизировать и поэтому все больше теряет свою человеческую сущность и свою социальную, гуманную зрелость. С этой – в какой-то степени тебя оправдывающей – точки зрения, сегодня не только семнадцатилетние, но и многие семидесятилетние не являются больше социально достаточно зрелыми для того, чтобы с помощью воспитания дать своим потомкам хоть какие-нибудь долговременные жизненные установки на будущее.

– Ты, как всегда, снова завел меня в какие-то звериные и человеческие дебри! Мой вопрос был всего лишь, на какой из этих обеих женщин мне жениться – на той, с которой я уже год дружу и которую ты тоже знаешь, или на первой, которую я недавно снова встретил?

– Хочешь, чтобы я приготовил тебе две спички для жребия?

– Не-е, это не так просто! Одну я люблю за то, что она такая красивая и веселая, а другую – за то, что она такая умная и нежная и, кроме того, была моей первой любовью. Что ты к этому скажешь?

– Не женись ни на одной, если уж ты меня спрашиваешь! Поскольку на самом деле ты не любишь ни одну из них обеих. Я же говорю, что любви к двум женщинам, по крайней мере одновременно, не бывает. Женись только тогда, если у тебя таких вопросов вообще не возникает и твоя любимая не сравнима для тебя ни с какой больше женщиной в мире. А возникнет такой сравнительный вопрос снова уже во время твоей женатой жизни, рви эту жизнь тут же, вставай и беги куда глаза глядят! Уже только потому, что ты свою жену когда-то любил и не имеешь права причинить ей, не говоря уже о ваших общих, невинных детях, это зло нелюбви!

Коллега не последовал – к своему несчастью – совету Отца, женился на веселой, родил с ней одну дочь, возненавидел с годами свою супругу и презирает ее громко и открыто, остается тем не менее дальше с ней вместе и постоянно изменяет ей со своей первой любовью, которая между тем тоже замужем и имеет детей.

Может быть Отец снова усложнял любовь и счастье в своих представлениях о них и не по праву отказал в счастье этим обеим семьям. А может быть и больше, чем этим обеим, потому что никто не знает, по каким еще семьям в этой цепной реакции бродят и изменяют другие осколки этих расщепленных семей.

*